

Не тот акцент

За кого отдал жизнь Иван Сусанин

Сов. Россия, - 1991. - 26 апр. - С. 4.

Акценты, акценты... Политические акценты и на трибунах, и в искусстве. И как ни странно, столь щедро расставляют их те, кто ратует ныне за деполитизацию, деидеологизацию, департизацию. Впрочем, искусство всегда было политичным, начиная с античного.

Вот слушаю новую радиопередачу, смотрю премьеру документального фильма и ловлю себя на мысли, что их авторы настойчиво педалируют на идеологических акцентах, при этом не всегда соотносясь с истиной. Что это? Умысел? Недостаточно продуманный замысел? Некомпетентность? Желание потрафить новомодным у нас политическим веяниям — от монархических мотивов до антикоммунистических взглядов? Не хочу брать примеры, в которых итак, что называется, невооруженным глазом видна такая тенденциозность. Возьму примеры посложнее.

Вот появляется, например, в радиэфире первая передача нового литературно-художественного цикла «Герои Российской истории». Дело благородное, нужное. И для дебюта избрана тема важная — Иван Сусанин. И свежесть, нестандартность взгляда вроде бы заявлена в комментарии В. Гусарова, опубликованном загодя в еженедельнике «Семь дней РТВ» (№ 13), в котором автор с искренностью сообщает, что по отношению к опере «Иван Сусанин», переименованной некогда самим императором Николаем Павловичем в «Жизнь за царя» (чему он, В. Гусаров, раньше возмущался), нынче у него (по поводу августейшего произвола) «что-то пе-

реломилось (у всех переломилось!)...». И потому, мол, в литературную композицию введены новые акценты, а также страницы забытой старой книги «для детского чтения по нашей истории» Шевалкина...

Так что же «переломилось» во взглядах названного автора? И что он стремится теперь поведать радиослушателям (к слову сказать, прежде всего юным, на кого и рассчитан новый цикл)?

В качестве аргумента приводится недавний факт — переименование на сцене ГАБТа оперы «Иван Сусанин», якобы как возвращение к истине. При этом, увы, не считается с тем, что название «Жизнь за царя» появилось на афише более 150 лет назад вопреки желанию самого композитора, писавшего, как известно, народно-героическую оперу об Иване Сусанине, а не верноподданический опус во славу царствующего дома Романовых.

Композитор горько писал о вынужденных компромиссах с либреттистами: «Как это случилось? — сам не понимаю». А затем — в дружеском письме — у него вырывается поистине отчаянное признание: «У меня сумели отнять все, даже энтузиазм к моему искусству — мое последнее прибежище».

И все же гений есть гений. «Иван Сусанин» потому и стал жемчужиной нашего искусства, что раскрывал душу русского народа. Вспомним трио «Не томи, родимый», романс Антонины «Не о том скорблю подруженьки», арию Сусанина «Ты придешь, моя заря», прекрасную сцену в лесу

(кстати, не только навеянную думой К. Рыльева «Иван Сусанин», но и буквально цитирующую недавно казенного поэта-декабриста — дерзость необыкновенная!), наконец, знаменитый хор в финале «Славься!», первоначально созданный композитором как эскиз для «Русского народного гимна»... Вот во имя чего, а совсем не ради верноподданничества, создавал своего «Ивана Сусанина» Глинка.

Так же ли нам забывать об этом сегодня? Не знаю, ведал ли об этом автор радиопередачи о Сусанине или же умалчал о правде во имя расставленных им «новых» идеологических акцентов?

Верноподданическим монархистом представлен в радиопередаче и поэт Кондратий Рылеев. Приводя строки из его думы об Иване Сусанине — «Ни казни, ни смерти я не боюсь: Не дрогнув, умру за царя и за Русь!» — В. Гусаров увязывает их со своей «обновленной» концепцией. «Подумалось, что, наверное, крестьянин Сусанин любил (выделено автором. — Ю. Ч.) своего младого царя Михаила, давшего своей фамилией Романов трехсотлетнюю с хвостиком династию».

Но опять-таки — правда ли сказана в передаче о поэте-декабристе? Впервые, патристическая дума об Иване Сусанине написана им в наивной надежде на просвященность монарха. Но при этом задумаемся, почему Пушкин полемически писал по сему поводу: «Думы Рыльева и целят, а все невпопад»? А во-вторых, можно ли было не сказать о том, что буквально через год Рылеев горячо и страст-

но напишет другие строки: «Нет, не способен я в объятиях сладострастья, В постыдной праздности влечить свой век молодой И изнывать кипящею душой Под тяжким игом самовластья...».

Нет, в верноподданничестве вряд ли можно заподозрить человека, выступившего против самодержавия на Сенатской площади!

Ну и, наконец, можно ли говорить всерьез о какой-то якобы реальной любви крестьянина Сусанина «к младому царю Михаилу»? Смею думать, что другим, а именно патристическим чувством руководствовался исторический Иван Сусанин.

Но, может быть, автор радиопередачи располагал какими-то иными фактами и документами, доказательствами своей версии именно о любви к царю, о знакомстве с ним Сусанина?

А вот показанный в эти дни телевизионный документальный фильм «Мейерхольд» (автор сценария А. Романовский, режиссер Н. Чурук). Фильм сделан на высоком профессиональном уровне, в нем тщательно продумана каждая деталь. Но и в этой ленте расставлены такие политические акценты, с которыми, пожалуй, вряд ли согласился бы сам Всеволод Эмильевич, человек предельно искренний как в своих театральных поисках, так и в высказываниях.

Он был родоначальником революционного театра, и жалко, что в полнометражном фильме не нашлось достойного места именно его постановкам о Революции. А ведь именно эти постановки, если мы хотим быть объективными, несмотря на разные нынешние

идеологические ветры, останутся в истории театра. Недаром он с гордостью хранил свою фотографию в форме красноармейца и «Наказ красноармейцев Всеволоду Мейерхольду». И писал как завет нам: «Надо так перестроить театр, чтобы не голую тематику воспринимал зритель, а впитывал в себя изо дня в день революционную форму и через великолепную революционную форму вбирал бы в себя крупное революционное содержание, блестящее своим многообразием и сложностью».

Мне скажут: фильм «Мейерхольд» — не биографический, а скорее все-таки, все-таки... Не предстает ли Мейерхольд как человек, как вдохновитель театрального Октября заданно обедненным на телеэкране и вольно переосмысленным в угоду нынешним антибольшевистским веяниям? А ведь, став коммунистом в 1918 году, он оставался им до своего трагического конца. Слава Богу, о Мейерхольде есть богатейшая литература, свидетельства современников, воспоминания, собрано и почти все его литературное наследие... А это значит — впереди еще будут новые фильмы о выдающемся художнике, о его прекрасной и трагически оборванной жизни.

Недоговоренность, политическая переадресировка, а в результате — недостаточность правды. Не попадаем ли мы опять в нежелательную ситуацию, которая потом вновь потребует наших оправданий: увы, мол, были мы тогда у времени в плену.

Ю. ЧЕРЕПАНОВ.